

Влад Капустин

БЕЛОЕ и ЧЕРНОЕ

(записки русского наемника)

**Мы все появляемся на свет в белый день,
а уходим из жизни - в черный.**

Автор

ПРОЛОГ

Кризис в Боснии и Герцеговине нельзя рассматривать вне исторического 1989 года, когда в марте первый секретарь ЦК Компартии Сербии Слободан Милошевич лишил Косово и Воеводину с ее венгерским меньшинством автономного статуса. Выступления протеста, организованные косовскими албанцами были жестоко подавлены. Первыми о выходе из СФРЮ объявили две самые развитые в промышленном отношении республики – Словения и Хорватия.

Это произошло 25 июня 1991 года. Началась гражданская война наподобие 1918-1922 годов в России. Война в Словении продлилась недолго – всего неделю. Словенские отряды самообороны оказали столь упорное сопротивление, что югославы остановились. Югославская армия, состоявшая из представителей всех республик стала, разваливаться на глазах. В тылу войск находилась враждебно настроенная Хорватия. Чтобы не воевать на два фронта, Белград оставил Словению в покое. К тому же в Словении жило очень мало сербов, этот довод все и решил. Игра не стоила свеч. Другое дело – Хорватия. В этой республике целые области исконно считались сербскими. К моменту распада СФРЮ, в Хорватии насчитывалось около 600 тысяч сербов. В августе 1991 года началась война с Хорватией. Особо хочется отметить город Вуковар, получивший название хорватский Сталинград. Его осада длилась два месяца. 18 октября превращенный в руины город пал. Число жертв с обеих сторон превысило двадцать тысяч человек. К зиме активные действия прекратились. Сербы захватили почти все территории, которые намечали. Правда, через четыре года, в августе 1995 года Хорватия возобновила войну против так называемой Сербской Краины. Уже к 8 августа все было кончено. Город Книн пал. Республика хорватских сербов прекратила существование. Слободан Милошевич, боясь реакции Запада, не решился открыто выступить на стороне соотечественников. Что же касается войны в Боснии и Герцеговине, то она началась в апреле 1992 года. Именно в этом году здесь появились первые русские добровольцы, помогающие сербским братьям. На стороне местных сербов, составляющих чуть более тридцати процентов населения, в схватку с мусульманами (42%) и хорватами (17%) вступили дислоцированные в республике части югославской армии. Сербы почти сразу захватили три четверти Боснии. С местным населением они при этом не церемонились. Именно тогда впервые появился термин «этнические чистки». В общем, нужно смотреть правде в глаза. Это не украшало сербов, в особенности после взятия мусульманского анклава Сребреница, где были предположительно расстреляны около шести тысяч человек. Терпение Запада и всего мусульманского мира исчерпалось.

Американцы, англичане и французы начали наносить самолетами удары по позициям сербов. Параллельно исламские государства принялись вооружать армию мусульман, как оружием, так и наемниками. К началу 1995 года ее боеспособность

резко повысилась. После падения сербского Книна, армия Хорватии перешла границу с Боснией и объединившись с мусульманами обрушилась на сербские войска, которыми командовал Радован Караджич. Сербский фронт почти рассыпался. Сербы начали отдавать город за городом. К моменту, когда в американском городе Дейтон начались переговоры о мире, хорваты и мусульмане контролировали уже больше половины территории республики. Боснийская война, в которой участвовал наш герой, закончилась поздней осенью 1995 года. Сколько жизней, унесла эта война, никто достоверно не знает, но их наверняка не одна сотня тысяч. Согласно мирному договору, страна была поделена на две почти равные части - Сербскую республику и Мусульманско-хорватскую федерацию. Мир в Боснии поддерживается благодаря присутствию международных миротворческих сил, в состав которых входят и россияне...

I

Поезд «Москва-София» несколько замедляя свой ход, подходил к последней эсэнговской станции под названием Чоп. В душе странные чувства. Еще недавно это была граница второй после США сверх державы с гордым названием-СССР. Теперь же мы - группа из десяти человек с еще одним сопровождающим Дмитрием (старшим всей команды) ожидаем проверки документов украинскими пограничниками. Украина, Литва, Казахстан... Сколько на карте появилось новых государств. Печальных государств. Невольно в голову лезут невеселые мысли. Мы, россияне из уже распавшегося государства едем помогать сербам в их только начавшую разваливаться страну.

В нашем вагоне царит деловое оживление и может быть даже некоторая суэта. Наши пассажиры процентов на семьдесят состоят из «челноков» всего бывшего Союза едущих в Турцию через Болгарию. Несомненно, все эти новоявленные бизнесмены, конечно уже подметили полное отсутствие у нашей команды багажа. И поэтому было заметно, как они откровенно перешептываются по поводу своих загадочных соседей, кивая в нашу сторону головами. Мы над этим только посмеиваемся. ореол таинственности, что греха таить, все-таки даже где-то льстит нашей группе. Больше половины людей нашего отряда - это в общем-то парни с не сложившейся личной жизнью. Но есть и такие которым просто нужны деньги, к этой категории будущих наемников отношусь и я. Хотя, конечно, нельзя отбрасывать и такой фактор как - православие. Мне не нравится, когда унижают и убивают людей моей веры. Не раз и не два, испытал на себе, еще путешествуя по Советскому Союзу, злобу и ненависть ко всему русскому со стороны эстонца или западного украинца. Уже тогда часто задумывался над такой нелюбовью наших вроде бы братьев к России, спрашивая себя : почему? И за что? Понятно, что коммунисты и Сталин натворили много зла нашей общей стране. Но ведь в жерновах тоталитаризма СССР – русских было уничтожено больше, нежели прибалтов или казахов. И всовсем нелишне, было бы напомнить горделивым литовцам, латышам, эстонцам реальность недалекого исторического бытия, так как все они очень любят углубляться в истоки своей независимой истории, но при этом почему-то никак не желают углубиться в век этак XIX или XVIII, когда эти народы входили в состав Российской империи вплоть до Октябрьского переворота 1917 года. Или вспомним западных украинцев. Вроде бы им то чего противится России? И мы, и они - славяне. На их «незалежність» мы ни в коем случае не претендуем,

но сколько желчи, ненависти до сих пор льется из уст так называемых братьев, в адрес России. А ведь если бы не Россия, которая в 1939 году фактически вернула западных украинцев в лоно матери-Украины, быть бы им сейчас под Польшей. Отсюда и мысль – а может, так было бы и лучше? Беда всех этих обиженных народов на русских людей объясняется просто – Коммунизм и Россию они разместили под одним большим знаком – зла, не делая между двумя этими понятиями для себя никакого различия. Ну да Бог с ними. Христос велел прощать заблудших, простим и мы всех тех, кто сейчас смеется и издевается в своих независимых державах над Россией и русскими.

Начальник нашей группы флегматичный Дмитрий постоянно читал американские детективы, почти ни с кем не общаясь. Наверное, поэтому он всем казался человеком недоступным и просто занудой. Четверо, были казаками с Дона. Держались они со своими товарищами надменно и гордо. Все объяснялось просто. В их понимании мужики – это второй сорт. В общем не воины. Они же казаки – элита. Гордость и слава России. Своим заносчивым поведением они походили скорее на хвастливых пацанов нежели на взрослых мужчин. Иногда казалось, что они притормозили в развитии и остановились в своих взглядах на жизнь, на уровне начала двадцатого века. Сибиряк Саня, не злобный тихий парень, любивший поспать на своей второй полке в любое время суток, производил впечатление своего, надежного мужика. Павел из Курска очень любил играть в карты. И поэтому, наверное, уже всем надоел, соблазняя почти каждого сыграть с ним в «тысячу» или «покер». Еще двое из Санкт-Петербурга, Сергей и Юрий как-то не очень общались с другими членами отряда, предпочитая остальной суе покое и сон. Но кто меня удивил, так это одессит Семен со смешной фамилией – Веселый. Как он попал с нами в одну группу – непонятно. Тем более еще с самостийной Украины. На свое удивление именно с ним у меня наладились хорошие личные отношения. С ним было легко и весело. То есть он вполне оправдывал свою фамилию – Веселый. Шутить он умел. А уж анекдотов у него была необъятная масса. Причем на самые разные темы. От неугомонного Семена мы обычно смеялись долго и от души. Иногда казалось, что этого парня ты знаешь уже давным-давно. Еще с детства. Бывают такие люди. Вроде бы и знаешь такого человека совсем ничего. А увидел удивленно-толстенную физиономию такого Семена, чуть-чуть с ним пообщался и вот все уже с ним на – «ты» и хороших дружественных отношениях.

-Слушай Виктор, обратился ко мне одессит, я все никак в толк не возьму. Почему мы не поехали поездом «Москва-Белград»? И быстрее, и нам удобнее. Семен посмотрел на меня, затем перевел взгляд на окно, причмокнув толстыми губами.

-Конспирация, наверное, предположил я, нашим начальникам виднее. Впрочем, дорога меня не интересует. Главное чтобы платили вовремя обещанные «баксы»...

Но вот позади и бывшая советско-румынская граница. На остановке Сучаве, десятеро будущих боснийских бойцов и сопровождающий группу - Дмитрий, покинули поезд «Москва-София». На попутном автобусе, усатый водитель, представившийся как Петру, за две бутылки ракии (румынской водки) подвез нас до Тимишоары. Откуда до югославской границы было рукой подать. В самом Тимишоаре на вокзале очень тесно, много грязи и нищих. Первое впечатление от Румынии – не ахти какое. Если честно, никто не ожидал такое увидеть на закате

XX века, почти в центре Европы. Был октябрь 92-го года. Старший отряда Дмитрий ушел сразу куда-то кому-то звонить. Но отсутствовал он недолго. По его радостной улыбке мы поняли, что все идет по плану.

-Границу мы будем пересекать на такси. Машины сейчас будут, торжественным голосом известил всех Дмитрий.

-Ты знаешь, Витя, я, наверное, впервые буду переезжать границу на такси. Семен весело похлопал меня по плечу, и засмеялся. Но радостному всеобщему настроению пришел конец, когда на самой границе усталый офицер-пограничник трем «русским» такси сказал : «Нет». Так, не солоно хлебавши всей группе пришлось возвращаться на вокзал. Впрочем, уже на следующий день все прошло более-менее удачно. Все получилось банально просто и незатейливо. На сей раз, Дмитрий дал взятку офицеру-пограничнику. После этого пограничник веселел на глазах и даже взял под козырек проезжающим мимо него машинам. В общем, я еще раз убедился, какую волшебную силу имеют деньги над людьми.

-Господи, и здесь берут на лапу, ворчал сибиряк Саша. А я то простой думал, что этим делом грешат только в России.

Как-то незаметно наша группа доехала до Белграда. Стрелки часов показывали чуть больше пяти вечера, но на улицах быстро темнело. Только-только кое-где включились уличные фонари. Столица Сербии экономила электричество. Людей в форме и военной техники на улицах не было видно. Как будто совсем рядом никакой войны. Повсюду распахнуты двери кафе и ресторанов. Вот так вот сразу и не поймешь, что едешь воевать и убивать именно в эту, когда-то общую страну для югославов. Тут же почему-то вспомнился румынский город Темишоару, где вот также, в подобных ресторанчиках беспечно развлекались неунывающие румыны. Такси поплутали по переулкам старой части города и остановились у ничем не примечательного четырехэтажного дома.

Нас поместили в двух отведенных для временного жилья комнатах. К великому нашему удивлению вскоре куда-то исчез «командир» Дима. Появился он где-то через час с бородатым невысокого роста сербом и сразу же его представил :

-Знакомьтесь мужики, это Радко. Передаю вас под опеку этого человека. Дальше все контакты будете поддерживать только с ним. Ваш отряд будет называться «Царские волки». Все понятно?

Мы удивленно переглянулись, но все же промолчали.

-За все заплачено. Поживете какое-то время здесь, перед поездкой в конечный пункт вашего назначения – Вишеград. За боевую помощь все будут получать деньги в дойч марках. Так что в этом плане у кого есть сомнения, не переживайте.

-А обещали в долларах... Ехидно заметил Семен. Но Дмитрий сделал вид, что ничего не услышал и обратился к сербу.

-Я правильно говорю, Радко?

-Так, так, закивал улыбающийся Радко.

-Ребята все будет хорошо. Радко неплохо знал русский язык. После его слов мы облегченно вздохнули. Ночь прошла тяжело. В незнакомой квартире, где все было чужое, начиная от висящих на стене семейных фотографий до скрипучих кроватей, сон долго не шел. Утро застало всех, как всегда в расплох. Пришел Радко и громким поставленным голосом закричал по-русски : По-о-о-дъем!!!

-Черт бородатый орет, как в армии, тихо проявил свое неудовольствие Павел.

Когда все сидели уже за столом аппетитно уплетая нехитрый завтрак, вдруг зазвонил телефон. Радко не торопясь пережевывал яичницу с жареной колбасой и

снял трубку со стоящего на холодильнике телефонного аппарата. Вся двух-трех минутная беседа шла на сербском языке, поэтому никто толком ничего не понял. После телефонного разговора Радко вновь, как ни в чем не бывало, принялся за недоеденный завтрак. После горячего чая он посмотрел на всех нас и сказал :

-Сегодня я встречаю еще одну русскую группу. Даже сам не думал, что они придут так быстро. Времени для знакомства с нашим городом теперь у вас будет мало. Скоро вам предстоит дорога с вновь прибывшими вашими товарищами в Вишеград. Так что не теряйтесь... Он не спеша достал из кармана брюк увесистый бумажник.

-Вот каждому аванс по двести дойч марок. Эти деньги помогут скрасить вам тоску сегодняшнего дня в Белграде. В ответ мы все улыбнулись. Хорошее настроение начало мгновенно расти, словно тесто на дрожжах. Разделившись на группы, уже через пятнадцать-двадцать минут мы разбрелись по городу в поисках отдыха и приключений. Разделить со мной компанию, как я и ожидал, согласился Семен и неголословный Саша-сибиряк. Было где-то около двенадцати часов, когда побродив немного по городу мы вышли на Скадарскую улицу и немного пройдя ее завернув за угол, решили зайти в пив бар, над которым на декоративных цепях висел симпатичный деревянный бочонок. Сам бар был отделан под старину, с большими дубовыми столами. Вместо стульев стояли небольшие бочонки. Настенные фонари создавали определенный интимный уют, а толстые стены подвала-бара производили эффект средневекового замка-крепости. Подошедшей к нам официантке мы заказали три бокала пива с копченой рыбой. Именно такой нехитрый ассортимент из еды и напитков мы подсмотрели за соседним столом у девушек. Причем больше пришлось объясняться на пальцах, но симпатичная девушка-официантка все поняла и мило улыбнувшись, поспешила выполнить заказ. Пиво, действительно, было неплохое. С шапкой белоснежной пены и карамельным привкусом оно всем нам очень скоро приподняло настроение. Между тем одна из девушек, которая сидела недалеко от нас, встала из-за стола и оставив подругу за бокалом недопитого пива направилась в левую сторону бара, где сиротливо стояли три игровых автомата.

-Видать на новое пиво денжат не хватает, проводил девушку взглядом Семен. Никак решила дивчина судьбу-матушку испытать...

-И все-то ты знаешь, пророк наш дерibasовский! Я отпил немного пива и весело посмотрел на Семена. В голову внезапно пришло странное решение – познакомиться с этой длинноволосой брюнеткой. Моя жена умерла год назад, единственная дочь Настя десяти лет, осталась на попечении матери в Екатеринбурге. В общем, на тот момент я представлял собой мужчину давно истосковавшегося по женскому теплу.

-А! Была, не была!

Я тихо подошел к сербской девушке, которая уже в третий раз кидала очередной жетон, но всякий раз безрезультатно. От своих неудач она раздраженно покусывала губы и поэтому на мое: можно попробовать? – поначалу неприязненно на меня посмотрела. Но затем смягчила свой колючий взгляд и даже улыбнулась.

-Руссо?-вдруг спросила она.

-Да, ответил я широкой улыбкой. Ничего больше не говоря она протянула мне жетон. Опустив металлический диск в прорезь автомата, я резко дернул ручку хитрой машины на себя. Карты на табло враз переместились остановив свое движение на четырех тузах. Последовавшее после этого веселое металлическое

грохотание, вмиг наполнило пустующее корытце «однорукого бандита» многочисленными жетонами.

-Ой-ля-ля! Девушка радостно запрыгала, хлопая в ладоши. Она быстро начала собирать жетоны, при этом что-то весело мне рассказывая. Поменяв жетоны у бармена на югославские динары, она вновь подошла ко мне.

-Мария! – протянула она руку.

-Виктор, - я осторожно пожал маленькую ручку девушки.

-Я немного знаю русский язык. Мой прадедушка был царский офицер. Он не любил революций и приехал жить сюда.

-А ты неплохо говоришь по-нашему. Во всяком случае, для меня понятно.

-Это все мама. По-русски она говорит много лучше меня, ведь ее дед бежал от большевиков.

-Вон как! – удивился я. Но и ты не скромничай, у тебя тоже получается неплохо. Пошли, познакомлю тебя со своими товарищами. Забирай свою подружку и айда за наш стол.

-Что такое айда?

-Ну... это все равно что пошли, рассмеялся я.

-Мария, Биляна, поочередно представились девушки, почему-то покрасневшим Семену и Саше. Узнав от Марии, что мы из России, Биляна азартно, что-то заговорила.

У Биляны в гостинице «Москва» есть хорошая знакомая, которая может устроить места в ресторане, перевела слова подружки Мария.

-И если ребята желают, там можно провести неплохо время.

-Ребята о-о-очень желают! Обняв меня и Марию за плечи, возбудился Семен. Широкая улыбка одессита излучала само обаяние.

-Биляна интересуется, до какого числа у вас виза? Вы, наверное, туристы? Мария вновь перевела вопрос своей подружки. Мы многозначительно переглянулись.

-Видите ли, девушки, - я поочередно посмотрел в глаза обоим. Мы добровольцы-наемники и приехали сюда воевать на стороне сербов. В Боснии, пояснил я коротко. Лукавые девичьи улыбки сразу исчезли и их посерьезневшие глаза засветились то ли удивлением, то ли восторгом.

-Признаться для нас с Биляной, эта новость еще та себе. Мария на удивление, лихо свистнула и, не стесняясь, положила ладонь на мою руку. Признаюсь, в этот момент мне стало приятно, я чувствовал себя просто героем.

-Сейчас не каждый серб в Белграде захочет поехать туда, где паф-паф! Мария изобразила руками нечто похожее на автомат.

-А вы едите туда умирать? Ее глаза светились неподдельным восторгом.

-Ну, девушки! Не надо из нас делать героев, вмешался в разговор Семен. Не забывайте, что мы все-таки наемники, а значит, воюем за деньги.

Но Мария была непреклонна.

-Даже за деньги, не каждый сюда поедет умирать! Чтобы бы не говорили, для меня вы всегда останетесь – православными братками.

-Ну ладно сестренка, примирительно взял я в свои руки ладонь Марии. Может хватит политики и, наконец, поедим в уже предложенный Биляной ресторан? Денег у нас правда не густо, но на скромную еду с выпивкой думаю, хватит. Не заработали пока еще больше... Все рассмеялись. Если откровенно, то после туристической поездки в 1990 году в Болгарию, я не очень верил в какое-то

славянское братство. Были случаи, когда услышав русскую речь эти «братья» плевали нам в спину. А слова вылетающие из их глоток, были далеко не дружелюбного содержания. Впрочем, зачем далеко ходить, если вроде бы близкая Украина и та страдает национализмом по отношению к родной России. А чего стоят высказывания в украинской прессе о том, что Иисус Христос – этнический украинец!? Некий кандидат наук, в одном из киевских журналов на полном серьезе утверждал, что и Христофор Колумб родом с Украины. Ибо в Португалии его звали – Колом. И поэтому, он из Коломыи. Как говорится, приехали. Вот почему к искренним словам Марии о славянском православном братстве, я отнесся так холодно и скептически...

II

Я проснулся от неприятного холода и посмотрел в сторону единственной печки-буржуйки, которую всю ночь должен был отапливать дежурный. К утру температура в помещении была почти такая же как на улице. Одно-рамные окна явно не способствовали держанию хоть какого-нибудь тепла в нашем новом жилище. Все спали не раздеваясь. Хранитель очага Андрей спал безмятежным сном, но тем не менее даже уснувший он решительно сжимал в руке обугленную деревяшку. Первый русский отряд поселили в двухэтажном коттедже. До войны здесь располагался интернат для слабоумных детей. На голубых стенах еще сохранились кое-где рисованные картинки со всякими зверюшками. К нашей десятке прибавилось еще восемь новых парней из России. Командиром нашей «бригады» стал бывший майор советской армии Петр Гаврилов. Лысоватый, с пронзительным взглядом и широкими плечами он без сомнения производил впечатление бывалого профессионального вояки. Чуть позже мы узнали, что Петр служил до 91-го года в Азербайджане. Там он находился вплоть до развала Советского Союза. Сам Петр Гаврилов хотел служить в России, но на родине для него не оказалось подходящего места. На свой вопрос в штабе ростовского округа: «Так что, я теперь России не нужен?», местный штабной начальник посмотрев многозначительно на Петра поверх золотистых очков немного подумав ответил: «Наверное, не нужен...». Вот тут-то Петр психанул и подался в Киев искать новую родину. В Ровно у него жила родня, думал все легче будет. Одного только опальный майор не рассчитал. Украинская армия, как и вся республика тех времен, была «националистически» настроена к другим нациям. В украинской армии счет шел на три категории. В первой категории шли украинцы, во второй русские, в третьей все остальные нации именовались словом - прочие ... Насмотревшись на такую «самостийность» своих братьев, Петр после некоторого раздумья подался обратно в Россию. Хоть и зла родина-мать, коль своих сыновей признавать не хочет, но жить среди своего народа все же поспокойнее будет. В Москве, куда вскоре он приехал, бывший сослуживец предложил ему завербоваться на войну в Боснию за хорошую плату. Так бывший майор советской армии и оказался с нами вместе в прифронтовом Вишеграде...

С того памятного Белградского вечера, когда мы, трое веселых парней изрядно покутили со своими новыми сербскими подругами, прошла неделя. Собственно говоря, уже на следующий день нас с вновь прибывшей группой из Москвы переправили сюда в горы под Вишеград. Городок небольшой, но уж очень

разбросан. Свое пристанище мы нашли возле быстро водной речки Дрина. Я почему-то вспомнил вопрос Марии в доме, куда она привела меня.

-Урал? Урал, где это Виктор? – когда я объяснил ей, что это на границе Европы и Азии, она словно ребенок захлопала от восторга в ладоши.

За ее окном тогда крупными хлопьями шел снег, я подошел к подоконнику и поманил Марию рукой.

-Смотри Мари на яркий свет фонаря, какое чудо! Снежинки благодаря холодному ветру приобретают постоянно движущуюся треугольную форму, и если хоть немного обладать сказочным воображением доброго Андерсена, такой фонарь кажется плачущим. В ответ Мария привстала на носочках и поцеловала меня в уста. С ее матерью в тот вечер я так и не познакомился, так как она уже спала. А рано утром я покинул дом Марии...

Я подошел к уже почти остывшей печке. Тихо открыл железную дверцу и посмотрел на еще продолжающие тлеть обугленные дрова. Сунув в печь несколько старых газет, сильно дунул на едва тлеющие угольки. Рыжий огонек не долго себя упрасивая, тут же весело разгорелся с новой силой. Несколько небольших сухих поленьев пошли вдогонку за бумагой и вскоре печка-буржуйка снова гудела напористым мощным огнем, постепенно нагревая остывшую было комнату. Часы показывали семь утра, когда в комнату только начинающих просыпаться русских добровольцев вошли двое сербов. Оба были явно навеселе и тот шум, который они подняли при своем появлении, заставил окончательно проснуться всех без исключения присутствующих. Одного из сербов – Зорана Марьяновича знали все. Он был командиром одного из сербских соединений. В паре с его бойцами мы должны были совместно действовать против мусульманско-хорватских отрядов. Второй, уже седовласый мужчина, вскоре представился сам.

-Ивица. Представитель сербской сельской общины. Он сносно говорил по-русски и поэтому мы его легко понимали. Оказывается, он был главным попечителем русских бойцов. Суть дела заключалась в том, что его община заключила договор с армейскими подразделениями сербов на содержание и выдачу воинского обмундирования, еды и оружия для русских. За все платила сельская община. Что было особенно ценно, у Ивицы слова не расходились с делом. Вскоре подошел небольшой грузовичок с югославским обмундированием и оружием. Все это добро выдавал лично Ивица. Хватка у него была крестьянская, деловая, это подметили многие. Ничего лишнего никто не получил, но и то что причиталось по праву, каждый взял себе без обиды. Китель, брюки, плащ на застежке из искусственного меха, белье. Удобные, но резиновые сапоги... на шнурках. Наши кирзовые, несомненно, лучше. Вязанный облегающий шлем-маска, теплый пуловер. Из оружия выдали югославские «калашниковы», которые были еще в масле. Правда, до своего оригинала-русского собрата, этому оружию было далеко. Фрезеровка деталей грубая, автоматика, по словам людей имевших с ней дело «клинит», после дождя и снега железные части ржавеют. Словом такое оружие может подвести в любую минуту. А на войне такие несуразности могут стоить жизни. И это уже серьезно. Но в эти минуты даже не хотелось об этом думать. Каждый из нас понимал, что мы сюда не в футбол приехали играть. Любой из нас может навсегда остаться в этой земле. Поэтому, забыв о будущих бедах и трудностях мы словно малые дети были увлечены одеванием воинского обмундирования и разглядыванием боевого оружия. Вместо «калашникова» я взял гранатомет РПГ-7 и к нему гранаты. Казаки получив оружие, шумели громче всех, на что Семен тут

же въедливо подметил : «визжат, как бабы на привозе (базаре). Сколько писку от них исходит, словно свинью покупают. И эти люди входят в знаменитый отряд «Царские волки»? Ей Богу братва – название «Неугомонные быки» им бы больше подходило». Недолголюбивающие казаков за зазнайство и высокомерие мужики негромко посмеялись удачной шутке товарища.

-Друзья! Зоран Марьянович обвел всех посерьезневшим взглядом.

-«Сутра» (завтра по-сербски) выступаем. Это будет ваш первый бой. Нужно взять селение Джанкичи. Без этой деревни нет дороги вперед. Проведите вначале разведку. Там есть две высоты где засели мусульмане с пулеметами. Нужно быть очень осторожными...

Все это Зоран говорил вроде бы всем, но чаще смотрел на командира отряда Петра.

-А как насчет вашей боевой поддержки? Вдруг профессионально поинтересовался Петр.

-Мы отвлечем их минометным огнем и ударим с правого фланга. Но главный удар по врагу должны нанести вы. Это будет вашим первым боевым крещением. Зоран дружески улыбнулся.

-Мы рассчитываем на вашу отвагу и смелость. Итак сутра мы отвезем ваш отряд до первых сербских «положай» (позиций (серб.)). Удачи!

Поначалу мы понимали не все слова сказанные сербами, которые им самим было трудно перевести на русский. Но со временем с сербскими словами мы понемногу освоились.

III

Джанкичи. К этому поселку мы подходили тихо. Как на грех выпало много снега. Впереди нашего отряда шел серб-проводник. Температура воздуха для ноября была зимняя. Что-то около пяти градусов мороза. До первых каменных домов нужно было пройти через небольшие, стоящие недалеко друг от друга высоты. Ни дзотов, ни бункеров не было видно. Эти два холма казались по началу необитаемыми. Да и сами Джанкичи казались вымершей пустыней. Я посмотрел на замаскированные под снег дзоты мусульман против стекленеющего на морозе солнца и от слепящей боли отвел глаза в сторону. Подойти незаметно к выжидающим мусульманам уже вряд ли было возможно. На белой, белой равнине очень четко выделялись черные фигурки русского отряда. Почему нам не выдали белые маскхалаты? Это первое что пришло мне тогда в голову. С боку мы казались вдавленными в холодную снежную землю в ожидании приказа идти в атаку. Но вот откуда- то сбоку раздались мощные взрывы летящих с ужасным свистом боевых снарядов. Сербы сдержали свое слово и открыли по селу артподготовку. И сразу все пришло в движение. Незаметные доселе дзоты мусульман открыли по русскому отряду ураганный огонь из всех своих имеющихся стволов и пушек. Толстоватый Петр лихо подкрутил вверх стоячие усы и затем незлобно выругался.

-Как плохо, что нет толковых карт! Черт возьми! Связь с сербами тоже отсутствует. Как воевать в таких условиях один Бог знает! Просто непонятно, как они до этого мусульман побеждали. Его взгляд вдруг остановился на мне.

-Виктор! И ты Саня! Он поманил нас к себе рукой. Когда мы подползли к командиру, Петр, стараясь перекричать артиллерийскую канонаду отдал свой первый боевой приказ.

-Мужики! Попробуйте уничтожить эти проклятые дзоты! Эти чертовы гнезда должны замолчать! Своим огнем мы постараемся отвлечь мусульман на себя. Иначе все мы здесь поляжем и никакого боснийского поселка сегодня не возьмем. В знак согласия мы кивнули головой.

-Ни пуха, ни пера!

-К черту!

Быстрыми перебежками мы устремились к извергающим из себя килограммы свинца мусульманским дзотам.

-А сейчас я поиграю в Александра Матросова!

-Ну-ка Шура прикрой меня. Не знаю, почему я прокричал эту фразу, но в тот момент она прозвучала в устах тридцатипятилетнего мужика по мальчишески заносчиво. В этот день мне везло. Прошло совсем немного времени. А я уже был рядом с дзотом неприятеля. Все произошло довольно просто. И очевидно такой наглости мусульмане от нападавших не ожидали. На дерзко вставленный ствол гранатомета в узкую щель, казалось надежного укрытия, они не успели отреагировать. Я нажал спусковой курок. Взрыв, грохот, черный стелющийся по снегу дым с появившимися язычками огня. Все это появилось сразу после попадания смертоносной гранаты во внутрь бункера-дзота. Послышались дикие, нечеловеческие крики умирающих людей. Неожиданно обратным выхлопом газов меня отбросило на снег. Со стороны разбомбленного дзота благодаря свежему ветру пахло паленным человеческим мясом. От черного дыма, белый снег на глазах становился серым и гадким. Из противоположного дзота мусульмане незамедлительно открыли бешенный, просто ураганный огонь. Но короткими автоматными очередями, Саша сумел отвлечь раздосадованного противника на себя. Петр с отрядом также вступил в бой. Черный дым продолжающий идти из разбомбленного бункера помог мне незамеченным отползти немного левее уничтоженного дзота, успеть перезарядиться, и без помех прицелиться по стреляющим. Мне отчетливо были видны два окошка или проще сказать обложенные бетонными покрытиями небольшие отверстия из которых и велся по нас прицельный автоматный и минометный огонь. Внезапно Александр прекратил стрельбу. Наверное, перезаряжается, успокоил я себя. Совсем рядом разорвалась мина. Но мне опять повезло. Ни один осколок не коснулся моего тела, если не считать мощной взрывной волны из-за которой и рот, и нос залепило быстро тающим снегом. Несколько раз пришлось перекатываться по снегу, то и дело меняя место засады. Наконец, удалось закрепиться за небольшим снежным холмиком и вновь без помех прицелиться. Только бы не промахнуться. У меня мог быть только один выстрел. Единственный промах и враг будет знать мое местонахождение. Вязанные рукавицы бесцельно лежали в одном из карманов армейского бушлата. Чтобы не делать лишних движений, я лишь несколько раз подышал на коченеющие от мороза пальцы и долго, очень долго нажимал, нажал уже на выдохе дыхания спусковой крючок гранатомета. Когда шум выстрела затих, черный дым повалил из всех четырех сторон укрепленного дзота. Попал! Значит попал! Неожиданно для самого себя я заорал голосом Тарзана и несколько раз ударил почти бесчувственным кулаком по снегу. Через какое-то время на холме показались две сгорбленные человеческие фигуры. Отстреливаясь, они стремительно бежали к селу надеясь укрыться и дать бой уже в самой деревне. Уцелевшие из объятого дымом бункера мужчины еще не отошли от шока и поэтому палили из автоматов

во все стороны не жалея патронов. У меня осталась последняя граната, которую я тут же в запале заправил в гранатомет.

-Нет друзья, так не годится. Я только начал привыкать к вам, а вы не прощаясь, меня покидаете! Забыв об элементарной осторожности, я встал во весь рост и почти не целясь, от пояса выстрелил вслед убегающим врагам. А может и не врагам? Кто знает. Возможно, это просто трудолюбивые крестьяне, которым по воле судьбы пришлось взяться за оружие? Собственно говоря они мне ничего плохого не сделали. И это я пришел на их землю с оружием в руках. А не иначе. После рассеявшегося порохового дыма я увидел деяния своих рук. Ошибка этих парней была в том, что они бежали почти рядом, не пытаясь добраться до деревни враспынную. Тогда шансов спастись у одного из них, а может быть, даже у обоих было бы гораздо больше. Сейчас же финал для них был трагичен. Одному оторвало голову и обезглавленное тело вначале упало на колени, постояв так несколько секунд оно словно в раздумье медленно повалилось на снег, орошая снег алым цветом крови.

Контраст белого и красного цвета был ошеломляюще красивым и ... диким. Кровь второго несчастного лежавшего недалеко от своего товарища еще больше увеличивала пурпурного цвета безбрежному белому фону заснеженной, примолкшей от ужаса деревни. Где-то позади раздалось мощное УРА!!! Путь к мусульманскому селу был свободен. Вот показались казаки. Впереди которых бежал негласный атаман Григорий. Чуть левее был виден Петр с остальными ребятами. Судьба поселка была предрешена. Это по видимому понимали и обороняющиеся. По одному, по двое они выбегали из своих домов отступая в сторону единственного моста протянутого через реку Дрина. Через пол часа Джанкичи были взяты. Мы прочесывали дом за домом, ища спрятавшихся мусульманских боевиков. Внезапно на соседней улице раздался мощный взрыв. Из рядом стоящего дома потянуло черным дымом с угадывающимися язычками начинающегося пожара. Тот кто был рядом с местом взрыва тут же побежал узнать что произошло. Мы с Семеном и Пашей подбежали к месту происшествия и увидели такую картину. Из открытых настежь дверей дома вышел пошатывающийся казак из группы Григория. Честно говоря, он мне вначале показался просто пьяным. Тяжело переступив через порог крестьянского жилища он устало и равнодушно оперся спиной о холодную кирпичную стену. Правое плечо у него было пропитано кровью. Зеленый армейский китель, виднеющийся из-под расстегнутой куртки был тоже в крови, но на сей раз кровь была, как бы разбрызгана по нему ржавыми пятнами, словно кто-то стряхивал на него алую влагу малярной кисточкой. Неизвестно откуда, словно из-под земли вырос Григорий. Усы атамана дергались в нервном тике. Руки нервно сжимали «калашников», готовые в любой момент пустить в ход грозное оружие.

-Василий, что произошло?

-Будь проклята эта старая клизма! Тот, которого называли Василием, громко разрыдался.

-Когда мы с Толиком зашли к этой ведьме в избу, эта старая сука, как ни в чем не бывало молча вязала свои вонючие носки, даже не удостоив нас взглядом. Все случилось, когда я присев на корточки осматривал нижнюю полку шкафа для одежды. Эта ведьма вдруг молча положила на стол свое вязание и с каким-то истерическим криком, с ненавистью глядя на нас полезла к себе под юбку и сделала резкое движение, как будто что-то из под себя вырывала. Я успел

сообразить и крикнул Толян - ложись! Но Толик стоял спиной к старухе и поэтому на наши общие крики среагировал лишь удивлённо поднятыми бровями, медленно повернувшись к нам обоим. Дальше... нет лучше не вспоминать... фанатичка. Мне повезло. Взрывная волна прошла верхом лишь слегка зацепив плечо. От ведьмы и нашего Толяна почти ничего не осталось. Василий, как ребёнок залился снова слезами. Ему всё поотрывало, идите посмотрите...

- Контузия и шок, сказал Паша. Ему нужно срочно врача. Подбежал Пётр ещё с несколькими бойцами. Быстро сориентировавшись в данной обстановке он распорядился отвезти пострадавшего в соседний дом для оказания первой помощи. Двое рослых чубастых казаков приподняли своего товарища и повели его к ближайшему дому. Мы осторожно вошли в дом и увидели ужасную картину. Мужская рука лежала почему-то на верху искорёженного осколками шкафа. Женская нога с оголённой костью тихо качалась на чудом уцелевшей люстре. Тут же рядом в потолке зияла внушительных размеров дыра. Повсюду была кровь и то что осталось от бывшего казака Анатолия и его убийцы нервной старушки-фанатички. Чертыхаясь и сплёвывая во все стороны, мы поспешили на выход.

- Белов, Никифоров! Подберите всё, что осталось от Десятова, распорядился Пётр.

- Вечером похороним парня. Григорий, атаман казаков, в знак согласия кивнул головой.

- Семья-то у него была? - дотронулся до его плеча Пётр.

- Двое детей осталось в Екатеринбурге... Григорий замолчал не продолжая и не начиная разговора. Да, да... Пётр молча похлопал Григория по плечу и отошёл в сторону. Где-то через час, наконец, подъехали сербы. Осмотрев всё внимательно и оценив на отлично удачно выполненную боевую операцию, они одобрительно пожали руки Петру и Григорию. Оставив в захваченном селении своих людей, сербы посадили нас на автобусы и с возгласами:

- Одмор! Одмор! – по сербски: на отдых, взяли курс на русскую базу. Многие уже были навеселе. Очевидно ребята успели где-то раздобыть спиртного. Останки погибшего Десятова собрали в большой целлофановый мешок и повезли отдельно на джипе.

Первое крещение в бою под Джанкичами восемнадцать русских парней прошли сегодня без позора и с победой. Итак, нас осталось семнадцать...

IV

Несколько дней шёл снег впережку с дождём. Мороз упал с минус пяти до нуля. Затем дождь исчез из-за нового похолодания и над этой гористой землёй уже полностью властвовал только снег. Ветер сильно задувал в оконное стекло, словно напоминая людям кто истинный хозяин. Неожиданно дверь открылась и вошёл Зоран Марьянович.

- Ребята! Кто хочет позвонить родным, могу устроить экскурсию до ближайшей телефонной станции. Что тут началось! Никого не пришлось упрашивать дважды. Вскоре все уже были готовы ехать, кроме четырёх погрузневших парней нашего отряда. Как позже выяснилось, ни у одного из них не было домашнего телефона. Примерно через час мы приехали в небольшой сербский городок «Р». И остановились у небольшого двухэтажного домика, в котором находилась почта и узел телефонной связи. Работницы почты, узнав о

приезде русских добровольцев побросали все свои дела и кинулись встречать дорогих гостей. Тут же поставили греться чайник, нарезали откуда-то вмиг появившегося сала на бутерброды. Улыбки смех, мимика жестов, где не хватало слов, чтобы понять друг друга, всё это немного удивило нас если сказать по честному не ожидавших такого тёплого приёма. Этот городок был прифронтовым. Здесь не осталось ни одной сербской семьи, которая бы не понесла потерь. Возможно, именно поэтому эти люди особенно ценили русских солдат за их помощь. После горячего чая и кофе, женщины-почтовики без всяких напоминаний кинулись искать коды русских городов и уже через какое-то время улыбающиеся лица наших ребят выглядывающие из телефонных кабинок без всяких комментариев давали понять, как они счастливы.

- Ты знаешь Сёма, я всегда хотел понять что такое счастье. Я задумчиво посмотрел на одессита. А ведь мы сегодня редкие свидетели этого явления происходящего у нас перед глазами. Радость встречи с любимой, близкими, детьми, их голоса, несуразное мычание и заикание при разговоре с женой, матерью... Неведомое, вдруг открывшееся для тебя познание своих чувств к семье, родной земле создаёт в зависимости от твоих желаний жизненную гармонию. В такие минуты познаёшь совершенство своего существования.

- Да ты философ Артист! Я удивлённо посмотрел на Семёна. Увидев мои удивлённые глаза Семён рассмеялся. Да, совсем забыл тебе рассказать. Мы ведь с ребятами после боя под Джанкичами прозвали тебя Артистом. Уж больно ловко ты уничтожил два дзота. Вот уж не думал, растерялся я.

- Екатеринбург! Майоров! Третья кабина! – пронеслось по небольшому залу.

- Тебя зовут! Семён положил руку на моё плечо. Меня словно пружиной подбросило вверх, а ещё через мгновение я уже был в указанной кабине.

- Мама! Ты слышишь меня?

- Витя, сынок, ты? – неуверенно прозвучал где-то далеко родной голос. Связь была неважная.

- Да мама это я, звоню тебе из Югославии, здесь я в командировке. Знаешь ли, новая работа... В общем занялся бизнесом.

- И чем ты занимаешься сынок?

- Всем понемножку, совершенно случайно мне повезло с этой работой так что не волнуйся, ушёл я от прямого ответа.

- А у меня Витя недавно был инфаркт. Если бы не Настя, не знаю даже, где бы я сейчас была. Она родная догадалась позвать соседей и вызвать скорую помощь. А ведь ей только десять лет, умница!

У меня перехватило дыхание от такой новости. В телефонной трубке послышался плач.

- Ма, только не плач прошу тебя!

- У тебя ещё есть время сынок? Я посмотрел на часы. Из заказанных десяти минут оставалось минуты две. Очень мало мама.

- Тогда подожди сынок, сейчас поговоришь с дочкой. Она уже вырывает из рук трубку...

- Папка, папка ты меня слышишь? Папка!

Я хотел казаться спокойным, но голос получился глухим и сдавленным.

- Да доченька, да. Ты ходишь в школу? Спросил я первое, что пришло в голову.

- Да папа и хорошо учусь! Когда ты ко мне приедешь?

- Потерпи доченька ещё немного. Нам ведь нужны деньги.
- Папа я хочу чтобы ты приехал завтра! Папа!
- Третья кабина! Время! Отключаем!
- Настенька, я... но в трубке всё оборвалось. Я остолбенело ещё какое-то время прижимал к уху трубку и ошалевшими глазами смотрел на телефонный диск. Наконец осознав бессмысленность своего положения я молча положил трубку на рычаг телефонного автомата и подавленный еле волооча ноги, вышел из кабинки.

V

Вскоре нас перекинули под город Горажде. Где под горой Орлина наш отряд должен был овладеть ещё одним мусульманским селением. До начала боя оставалось около получаса. Шёл сильный снег. Настолько сильный, что если протянуть вперёд руку, то глаза почти не различали в густой пелене снежных хлопьев очертания ладони.

- Слушай командир! Обратился Андрей к Петру. При такой погоде мы запросто друг друга постреляем. Какой идиот отдал приказ воевать в такую погоду?

- Мужики у меня есть план! Пётр хитро всем подмигнул.

- Атаковать будем без единого выстрела, но с «шумом». Муслики будут нас слышать, но не видеть. Это называется психическая атака. Наверное, все смотрели фильм «Чапаев»? То-то же! Удовлетворённо засмеялся Пётр. Поверьте, мужики, такое не каждый выдерживает. Иные даже лишаются рассудка.

- Что, и по матушке можно пройтись? Сверкнул белизной зубов Семён.

- И по батюшке тоже! Улыбнулся Пётр. Наш российский мат всему миру известен.

- Красная ракета! Закричал Николай.

Условный сигнал к атаке заставил многих вздрогнуть.

- Ну, всё ребятки с Богом! – скомандовал Пётр. Всем растянуться цепью, дистанция друг от друга не меньше пяти метров. Вперёд орлы! В тот же миг раздался мощный рык орущих, потихонечку звереющих человеческих глоток: Ура!!!

До первой огневой точки добрались не спеша, по хозяйски, деловито. Идя во весь рост мы страшно ругались, наверное, так первобытные люди загоняли затравленного мамонта в уже подготовленную яму. Во всяком случае, в тот момент мне почему-то представилось именно такая картина, которую я вспомнил из школьного учебника истории. Мусульмане из своих укрытий стреляли по голосам, наугад. Но по их поспешным, неточным выстрелам, можно было безошибочно определить, что они заметно нервничают.

Поначалу мусульмане даже пытались кричать в ответ, что-то вроде: Аллах акбар! Но когда крутая русская речь стала слышна уже в нескольких метрах от их позиций, нервы правоверных наследников Аллаха явно сдали. Выстрелов становилось всё меньше и меньше, пока вскоре не прекратилось вообще. Не выдержав нервного напряжения, мусульмане покинули свои окопы и бежали. С криком: Ура!!! Мы вскоре заняли оставленные позиции врага. К своему удивлению в мусульманских укрытиях мы обнаружили немалое количество

стрелкового оружия. Спрыгнув в пустой ров я вскоре заметил новенький югославский «калашников».

Подняв оружие, с удивлением отметил для себя номер автомата. Три последние цифры, которого кончались на – 666! По библейской символике выходило число дьявола. Вот так штука! Я невольно перекрестился. Сам даже не зная почему. Гранатомёт в эту атаку я с собой не взял. Для такого боя – это громоздкое оружие. Единственное, что было при мне в тот момент, это штык-нож, русский «ПМ» и четыре лимонки болтающиеся на широком армейском ремне.

- Командир! Андрея Немцова убило! Сашка-сибиряк, не стыдись, вытер рукавом со щеки слёзы.

- После боя похороним как героя! За мной! Не сбавляя хода Пётр побежал дальше. Бой уже шёл в самом посёлке, где отовсюду можно было ожидать пулю в лоб.

В этом городке всё перемешалось, как в овощном салате. Так почему-то получилось, что сербы и казаки шли в атаку почти вместе, а мужики несколько поодаль гораздо левее. Я пробирался между двумя близко стоящими друг от друга домами, когда передо мной, совершенно неожиданно возник широкоплечий мусульманин. Выбежав из-за угла дома, он по-видимому также не рассчитывал на такую встречу и поэтому растерявшись недобро, какое-то мгновение изучал меня. Мы смотрели друг на друга, никогда до этого не встречавшиеся и конечно не знавшие, что фантазёрка судьба когда либо сведёт нас вместе. Я заметил страх в глазах своего врага. А его нервный тик постоянно поддёргивающейся вскинутой брови, вдруг неожиданно рассмешил меня и я засмеялся, сам удивляясь своей беспечности. Дальше, больше. Слабый смех вскоре превратился в истерический хохот. А у совсем переставшего что-либо понимать мусульманина вдобавок начал дёргаться ещё и подбородок. Мой смех заставил его опомниться первым. Он нажал на курок автомата пытаясь выстрелить. Но оружие молчало, возможно, заклинило затвор, что по такой снежной погоде вполне могло произойти. Или кончились патроны. Его действия привели меня в чувство. Мой новый трофейный автомат (подарок дьявола), тут же издал короткую, но точную очередь. Незнакомец, протяжно охнув, рухнул на снег. Смертельно раненый он громко закричал, срываясь на собачье завывание. Из изрешечённого подобно ситу живота, стекала кровь. Я посмотрел ему в глаза. Мне не было жаль этого человека. Скорее это был простой интерес увидеть приход смерти, который предстоит испытать каждому из нас. Раненый, что-то мне прокричал. Жизнь упорно не хотела покидать его здоровое тело. Жизнь боролась, как могла со смертью, но увы на сей раз поединок двух цветов – белого (жизни и добра) и чёрного (смерти и зла), был явно в пользу последнего. Мусульманин всё кричал от боли истекая кровью. Не выдержав криков раздирающих душу я направил ствол автомата в голову недавнего врага и с силой нажал на спусковой крючок. Несчастный судорожно вздрогнув сразу затих, и тут к своему ужасу на лице убитого я увидел искривлённую, как в разбитом зеркале страшную улыбку. С широко открытыми презрительно смотрящими на меня глазами. Я отшатнулся от тела, куда девалась недавняя моя весёлость и бравлада? В какое-то мгновение мне даже показалось, что это не я выиграл только что свою жизнь, у беспристрастной судьи – фемиды, а вот это скрюченное бездыханное тело почитателя Аллаха. Вскоре всё было кончено. Уцелевшие мусульмане спешно покидали уже кое-где горящий посёлок. Через какое-то время я наткнулся на Павла

перевязывающего белой материей плечо нашего командира и присел рядом со своими товарищами.

- Это серьёзно?

- Да Бог его знает. Пока болит чувствительно, поморщился Пётр.

- Жаль Витя, что не видел ты, как возле меня дрался вот этот добрый молодец.

Пётр указал глазами на пыхтящего Павла и улыбнулся.

- Да ладно тебе командир! Павел явно засмутился. Горяч, я просто в бою, только и всего.

- Он Витя, продолжил Пётр, когда меня ранило, какое-то время один натиск мусликов сдерживал. Представляешь, ручной пулемёт использовал, как автомат. Иногда вставал во весь рост разворачивая корпус тела едва ли не на 360 градусов. К сожалению несколько сербов с нами погибло. Отчаянные ребята тоже Были. А вот три оставшихся союзника – струхнули. Даже деру попытались дать. Словно дети малые. Может с перепугу забыли, что мы со всех сторон окружены были? Пётр засмеялся и тут же закашлялся.

- Ты бы не смеялся Петро? Павел заботливо положил свою большую руку на здоровое плечо командира.

- Ничего, ничего... Пётр вздохнул свежего воздуха и продолжил дальше.

- Может и правду говорят – от страха человек голову теряет? Так вот наш Паша не только в одиночку натиск сдерживал, но и преподавал урок мужества и самообладания этой перепуганной троице. В сложившейся ситуации Пашка направил на них ствол пулемёта и потребовал оставаться на местах и активно включиться в бой. И знаешь, несмотря на незнание языка сербы хорошо его поняли. И даже начали постреливать.

Мы все дружно рассмеялись. Пётр, вдруг перестал смеяться и помрачнел.

- Жаль только вот Сергей из Ростова погиб. Пуля ему прямо в лоб попала. Снайпера работа. Вчера вечером он жене письмо начал писать, да вот не успел закончить... Придётся его письмо нам дописывать. Пётр неудачно повёл плечом и сразу застонал от боли.

- Ну-ка Артист, помоги, дотащим командира к автобусу. Павел назвал меня новым прозвищем, но я не удивился. Мы потащили Петра по прямой дороге, стараясь ему по меньше причинять боли. У крайнего дома находились три автобуса. Возле них стояли непонятно откуда взявшиеся здесь люди с микрофонами и кинокамерами. Журналисты, догадался я. Только их сейчас не хватало. Один из них подбежал к нам, тыча мне микрофоном под нос, начал что-то спрашивать.

- Не понимаю брат, не понимаю. Мы с Пашей стали проталкивать Петра в автобус.

- О, руссо! Руссо! Молодой парень что-то пытался спросить теперь уже у Павла, но тот только отмахнулся от назойливого журналиста. Мы, наконец, залезли в полупустой пока ещё автобус с красными крестами.

- Витя, меня сейчас повезут в госпиталь, поэтому временно, моего выздоровления назначаю тебя командиром отряда, Пётр плюхнувшись на мягкую обшивку сидения сказал всё это так просто, что я даже растерялся.

- Ну чего молчишь? Говори своё слово. Пётр выжидающе смотрел на меня.

- Да ты что Петя, я ведь в отличии от тебя, в общем-то не военный человек, промямлил я.

- Ничего Витёк, Ковпак во вторую мировую войну тоже кадровым военным не был, но как воевал колхозник! Солдатами не рождаются, ими становятся, повторил известную фразу Пётр. А посему мой приказ не обсуждать, а выполнять!

- Правильно командир! Я тоже думаю, что у Артиста должно получиться, поддержал Петра Павел. У него в бою голова работает, это уже все подметили.

- Ну, хорошо, сдался я. Попробуем.

VI

Новый 1993 год «Царские волки» встретили шумно и весело. Вместо ёлок сербы в своих домах ставят – Бодняк, так называют веточки дуба сплетённые с соломой. Поэтому у каждого из нас на тумбочке возле кровати стоял новогодний Бодняк. «Невезучим» ребятам, которым в ту ночь выпала очередь идти в караул водки не дали. Но по килограмму на каждого, шоколадных конфет, которые прислали в дар гражданские сербы, они получили. Наш военный график был составлен так, что русский отряд четыре дня находился на позиции, сутки в казарме. У сербов было всё иначе: двое суток - позиция, двое в казарме, двое дома. О такой несправедливости я однажды попытался было поговорить с Марьяновичем, но он ушёл от ответа, переведя разговор на нужную ему тему. В эту новогоднюю ночь мы впервые увидели и услышали о себе по телевидению. Пожалуй, впервые, в открытую было заявлено, что на стороне сербов воюют русские. Так я увидел на экране телевизора себя, Петра и Павла. Очевидно, нас засняли, после памятного боя у горы Орлина, возле автобуса. Мы тогда понесли первые крупные потери. Четверо убитых, двое раненых. Нас осталось одиннадцать человек. Правда из России обещали помощь людьми, но когда это ещё будет... Про себя я твёрдо решил по приезде новобранцев из России немедленно ехать на родину. Здоровье матери внушало мне некоторые опасения. Да и с деньгами здесь не густо выходило. На две – три сотни немецких марок в месяц много не разгуляешься. Мы хоть и продолжали держать марку, что русским всё нипочём, но бескорыстно умирать не очень хотелось, Настораживало ещё и то, что после репортажей о русских, что-то надломилось в наших отношениях с сербским командованием. Появилась холодность даже какое-то безразличие к нам. Может позавидовали, нежданно накотившейся на русских, славе? Этот вопрос для меня оставался загадкой. Что скрывать, после нескольких наших громких побед, одно название – «Царские волки» по настоящему наводило страх на мусульман и хорватов. Об операциях русских начали регулярно писать в газетах, передавать в телевизионных репортажах. Русские стали желанными гостями в каждом сербском доме. Сербы жертвовали последними запасами, чтобы накормить и выпить с нами рюмочку, другую крепкой ракии. Возможно это и не нравилось сербским военным. Большая часть славы в боях начала ложиться на малочисленных россиян. Мне вспомнился недавний бой у кладбища «Дони Милевичи», тогда взвод сербов из роты Алексича должен был прикрывать наш тыл. Через какое-то время сербы самовольно покинули свои позиции. Но судьба и в том сражении для нас была благосклонна. Слава Богу всё обошлось. Мусульмане не смогли зайти в тыл «волкам». После боя, разгневанный атаман казаков Григорий зайдя со своими людьми к сербам в казарму, под дулами автоматов выстроил всех находившихся внутри в одну шеренгу и дал длинную очередь из «калашников» поверх их голов. После чего долго объяснял своим союзникам, что так воевать нельзя, и в случае

повторения такой измены он их просто расстреляет. Так прошёл ещё один месяц январь. В один из февральских дней, когда наш отряд был на отдыхе, меня разыскал Павел.

- Артист! Пожалуй он один, да ещё Семён, после моего назначения на должность командира отряда продолжал обращаться ко мне с этим прозвищем.

- К тебе пришли!

- Кто? Не понял я.

- Чёрт его знает! С ним Зоран Марьянович, вроде бы какой-то бизнесмен. Открылась дверь и в казарму вошёл улыбающийся Зоран Марьянович с толстощёким, небольшого роста человеком одетым в зимнюю военную камуфляжную форму.

- Знакомьтесь, это Ацо Стоянович, уважаемый предприниматель, представил незнакомца Марьянович. По-русски он разговаривает много лучше меня. У него к тебе важное дело. Марьянович заговорщицки ударил меня по плечу и улыбнувшись быстро удалился.

Мы пожали друг другу руки и присели на старые скрипучие стулья возле облезлого дубового стола.

- Слушаю Вас.

- Дело в том, что речь пойдёт о больших деньгах, которые вы и ваши люди получите, если поможете мне завладеть одним заводом, который сейчас находится под мусульманами.

- И что это за завод? – поинтересовался я.

- Спиртовой завод, дающий тому кто им владеет огромные прибыли. Тем более, что сейчас на территории Боснии существует «сухой закон».

- Понимаю, я устался на свои вычищенные до блеска армейские ботинки. Воцарилась неприлично долгая пауза.

- Вы, наверное, знаете, склон Дебелого Брда? – нарушил молчание Ацо Стоянович. Там есть только один хорошо укреплённый бункер. Его нужно уничтожить, ибо это и есть главное препятствие на пути к заводу. Поверьте, если вы мне поможете, то будете иметь хорошие деньги.

- Мы хоть и наёмники, и конечно, воюем за деньги. Но сейчас получается мы должны превратиться в банду головорезов, которым предлагают воевать во имя грязного бизнеса, рассердился я. Мои люди должны стать пушечным мясом, которым кто-то хочет торговать оптом, и в розницу! Так вот я вам говорю нет!. На эту сделку я не пойду!

Я решительно встал со стула, показывая своему опешившему собеседнику, что на этом разговор окончен.

- Ну чтож... Если это ваше последнее слово... Ацо Стоянович нервно покусывая губы встал со стула и не прощаясь направился к выходу.

То что мне пытался предложить Стоянович, как оказалось позднее был не единственным случаем в стране Слободана Милошевича. Руководство Сербии было насквозь коррумпировано, начиная от президента и кончая средним звеном чиновничества. Об этом я смог узнать только через семь лет, после так называемой югославской «хулиганской» революции осенью 2000 года. Югославия, наверное, была одной из немногих стран в мире, где министр или даже премьер могли быть одновременно и руководителями крупных компаний. Эти люди использовали своё положение не только для личной выгоды, но и для борьбы с конкурентами. К примеру министр связи и информации Иван Маркович человек № 3 в стране, мог

шантажировать телевидение и газеты Югославии если что-то было не так, как он хотел. Вплоть до отключения телеканалов или невыхода в свет прессы имеющей отличные взгляды от высшего руководства страны. Или взять премьера, когда им был Мирко Марьянович, который совмещал свой высший пост с главой фирмы «Прогресс». Эта фирма была импортёром российского газа. Именно при Марьяновиче Возник югославский долг России за газ. Москва естественно прекратила поставки газа. Ведь что получалось, газ в Сербию поступал, а югославские товары по бартеру в Россию - нет. Куда они делись, предстоит выяснить новым властям Югославии. Югославский народ прозвал Марьяновича и министра энергетики Слободана Томовича – «красной» бандой. Впрочем, не только их. Это понятие скорей обобщённое. К слову будет сказано, но главный энергетик страны даже гордился этим прозвищем. Что удивляться, эти люди предпринимали всё, для того чтобы воровать как можно больше и обогащаться как можно чаще.

VII

В середине февраля, наконец, прибыло долгожданное подкрепление из России. Тот день был без солнца, хмурым. Дневной свет имел невзрачный серый оттенок, но тем не менее невыразительная погода почти никак не влияла на весёлое настроение пятнадцати человек которые только что прибыли. Среди них было пятеро казаков, которых Григорий сразу взял под своё крыло и десятеро мужиков из разных городов России. Ну что же теперь можно со спокойной совестью уезжать. Старшим вместо себя я решил оставить Сашку-сибиряка. Он хоть и уступает Паше в боевом азарте, зато думает не торопясь взвешенно. А на войне это главное. В общем парень соображает.

Пока ребята знакомились друг с другом неожиданно появился Зоран Марьянович.

- Артист, там мои «войники» (бойцы) англичанина поймали. Наш сербский суд вынес ему смертный приговор. Но он хочет что бы его расстреляли непременно русские. Настоящий профессионал, рейнджер. Много наших положил.

- Ну что же если так, пошли поглядим на рейнджера... Так получилось, что казнить британца изъявил желание казак Григорий. Мы стояли на возвышенности и молча смотрели, как Гриша завёл тёмноволосого хорошо сложенного телом англичанина в глубокий овраг и приказал одному из своих казаков снять с пленного наручники.

- Как тебя зовут англичанин? Голос Григория был нам хорошо слышен. Сербский переводчик всё это перевёл британцу.

- Майкл. С интересом разглядывая Григория, ответил англичанин и тут же сам что-то спросил.

- Он спрашивает, действительно ли ты русский и принадлежишь к отряду «Царские волки»? – улыбнулся переводчик. Григорий нахмурился, затем почему-то посмотрел в мою сторону, и утвердительно качнул головой. Ему, наверное, хотелось сказать, что сам он казак и эти громкие названия взятые взаймы из индейского лексикона Америки ему не очень нравятся, но всё же промолчал. Не добавив больше ни слова.

Англичанин вновь что-то сказал.

- Он говорит, что ему доставляет удовольствие умереть от руки врага, каким являются для цивилизованного запада – азиаты русские, перевёл переводчик.

- Ах ты сука аглицкая! Григорий передёрнул затвор автомата, но потом подумав сказал : переведи этому дураку, что лично я ничего плохого в слове – азиаты не наблюдаю. Мы такие же, как и они, добропорядочные христиане. Только вот мы это помним, а он подобно варвару – нет.

Услышав перевод, англичанин заметно занервничал. И начал кричать что-то в ответ.

- Он говорит, что большевики не могут быть христианами. Ибо они порождение дьявола. Сербский переводчик вопросительно посмотрел на Григория.

- Да он просто идиот! Так ему и передай! Если он думает, что все русские коммунисты!

Стараниями переводчика это пожелание было тут же выполнено. Англичанин помолчал, но при этом улыбнулся кривой, недоброй улыбкой.

- Молись англичанин, сегодня перед тобою откроются ворота Ада или Рая.

Самое удивительное, что британец ни слова не понимающий по-русски, вдруг начал креститься шепча про себя одному ему понятные слова. Пауза отведённая англичанину для молитвы была недолгой. Григорий дал длинную очередь из автомата. Британец схватился обеими руками за живот и с протяжным стоном рухнул на снег. Из рта пошла кровавая пена, а широко открытые выражающие боль глаза умирающего смотрели куда-то в небо. Кто-то взял меня за локоть. Я повернулся и увидел Марьяновича.

- Кстати Артист, сказал он, «войники» из отряда Драгана, тоже вчера расстреляли одного турка и двух арабов из Саудовской Аравии. Это был наш ответ на их посылку – корзину в которой лежали три отрубленные головы сербских «войников».

- Какое варварство, передёрнул я плечами. Ты знаешь Зоран, я всё больше и больше прихожу к мысли что Ислам который исповедуют мусульмане несколько не изменился со времён рабовладельческого строя. Да, Зоран, переменил я тему, я решил уехать. Вместо меня командиром будет другой человек. Сейчас я тебе его представлю.

- Как уехать! Марьянович удивлённо смотрел на меня. Ты наверное шутишь?

- Нет Зоран. Серьёзнее не бывает. У меня в России осталась мать у которой недавно был инфаркт. Я переживаю за дочь, если что случиться с матерью, ребёнок может остаться один. Жены у меня нет. Последствия, сам понимаешь.

- Ты меня сегодня сильно огорчил Артист. Марьянович достал пачку сигарет и нервно чиркая спичкой по коробку закурил. Хотя, конечно, тебе решать. Положение у тебя с семьёй, в общем-то тревожное, добавил он.

. . .

Я задумчиво смотрел в окно автобуса, за которым не спеша, словно театральные декорации чередовались друг за другом островки голого и от этого кажущегося хмурого и сиротливого леса, унылые телеграфные столбы провисали вдоль дороги электрическими проводами и со стороны напоминали прогнувшиеся животы беременных баб. Рядом со мной спал Семён. Этот никогда не унывающий еврей тоже решил покинуть, как он выразился столь затянувшееся для штатского

человека военное приключение. Оказывается хитрый одессит успел договориться с Ацо Стояновичем о поставках в Боснию русской водки и красной икры. Где он всё это будет брать, пока неясно. Но то что Сёма Весёлый, решил заняться бизнесом не вызывало у меня никаких сомнений. Расставание с ребятами без всякой показухи было тяжёлым и безрадостным. Не побывавший на войне, этого никогда не поймёт. Даже казаки, которые обычно держались особняком от мужиков присоединились в этот вечер ко всему коллективу, чтобы выпить сто грамм ракии за мой отъезд. С моим решением назначить старшим отряда Сашу-сибиряка, все единодушно согласились. Словом в тот вечер мы хорошо «посидели»...

Я с трудом бужу никак не желающего просыпаться Семёна.

- Что, где, где мы? – захолопал он глазами.

- Вставай, Одесса, мы в Вишеграде. Сейчас пойдём посмотреть расписание автобусов до Ужици. Слава Богу, что проезд до самого Белграда у нас льготный, бесплатный. Доберёмся до Ужици, а оттуда на поезде вскоре будем и в Белграде. Необходимую бумагу – «дозвола» мы имеем, так что всё чин по чину.

- О! Сердцем чувствую, завопил скоморошничая Семён. Ждёт тебя твоя Маша – не дождётся. Придётся мне в Москву одному возвращаться.

- А разве ты не в Одессу путь держишь? Удивился я.

- Какая брат Одесса! Мне деньги надо делать! К великому сожалению славный город Одесса при разделе Союза отошёл к Украине. А она Батькивщина, на данный момент бедна, как церковная мышь.

Купив билеты на автобус, мы с Семёном решили немного прогуляться по Вишеграду, так как до отъезда было ещё около двух часов времени.

- Смотри Артист. Семён слегка тронул моё плечо. Сколько в этом городе 20-35 летних мужиков беззаботно гуляющих по улицам. Я что-то понять не могу. Мы сюда приехали аж из бывшего Союза. Хоть и за деньги, но свой братский долг выполняем. А они – сербы воевать не хотят. То ли уклонисты, то ли дезертиры. Но по-моему, это всё едино.

- А, Бог с ними! – улыбнулся я. Давай лучше посидим на лавочке в этом уютном сквере. Вон и солнышко выглянуло. Хорошо!

Едва мы сели на скамейку, как к нам подошёл седоватый старик, сидевший до этого напротив нас.

- Руссы? Наверно он слышал наш разговор.

- Они самые дед! Семён широко улыбнулся. Погостили у вас немного под пулями, теперь на родину душа тянет.

Старик как будто всё понял, махнул приветливо головой и молча удалился.

- Станный какой-то! Сам заговорил с нами, а потом от нас же долой. Не понимаю. Семён вытащил пачку сигарет и протянул открытую коробку мне.

- Будешь?

- Спасибо, не хочу. Пытаюсь бросить. А, впрочем, давай, подымим немного. Я взял сигарету, немного помял её пальцами и прикурил. Так, не возобновляя больше разговора, мы курили какое-то время, думая о чём-то своём.

- Руссы! Перед нами вновь возник тот самый старик. Дрожащей рукой он протягивал нам целлофановый пакет и улыбался.

- Зачем нам это? Я удивлённо посмотрел на старика. Но тот бормоча что-то по своему требовательно протягивал нам своё преподношение.

- Спасибо вам! Находчивый Семён осторожно взял из рук деда пакет и пожал ему руку.

Старик горячо ответил на наше рукопожатие и что-то сказав на прощание пошёл своей дорогой.

- Ты что Артист! Дед нас от всей души угощает, а ты ему своё дурацкое – зачем!

Семён заглянул в пакет и извлёк на свет бутылку рома.

- Ого! Вот это дед так дед! Там ещё одна такая же лежит! Семён не скрывал своей радости. Жаль, старик ушёл так быстро, а то бы на троих сообразили!

Там же на лавочке прямо из горлышка и не торопясь, мы «приговорили» почти целую бутылочку рома.

VIII

С каким-то трепетным чувством я пересек Скадарскую улицу и вошел в знакомый подъезд многоэтажного дома. Поначалу я хотел воспользоваться лифтом, но потом передумал и не спеша начал подниматься своим ходом на третий этаж. Час назад я с Семеном приехал на автовокзал Белграда. Где обменявшись адресами и телефонами, тепло простился с одесситом.

Каждый шаг отдается гулким эхом пустого подъезда. Я стою у знакомой двери и касаюсь маленькой кнопки звонка. После спиртного меня слегка пошатывает. Последовавшая пауза показалась мне безнадежно долгой. Впрочем, было воскресенье и поэтому в квартире могло никого не быть. Но вот за дверью послышались чьи-то шаги. Дверь приоткрылась на то расстояние, какое позволяла короткая дверная цепочка и в образовавшемся свободном проеме показалась слегка поседевшая женщина.

-Здравствуйте, Мария дома? Мать девушки внимательно посмотрела на меня.

-Виктор? Это было ее единственное слово.

Со счастливым лицом я молча кивнул головой.

-Мария мне рассказывала о вас, на хорошем русском, сказала женщина.

Дверь тут же открылась.

-Проходи Виктор, проходи. Я очень рада. Мария сейчас в ванной. Пашли пака на кухню.

Я не успел поблагодарить ее за гостеприимство, как неожиданно открылась дверь ванной комнаты и в прихожую с радостными глазами выбежала Мария мокрая от воды и ... совершенно голая.

-Виктор! Обнаженное тело девушки крепко прильнуло к моей груди и я совсем растерялся. Но уже через мгновение справившись с волнением я нежно обнял свою Марию.

-Мария! Ты што бесстыдница делаешь!? Разгневанная мать девушки с силой шлепнула дочь по голому задку.

-Ну-ка быстро в ванную!

-Ну мама! У нас же любовь!

-В ванную сказала!

Мария виновато посмотрела на меня, быстро поцеловала мокрыми губами мой нос и исчезла в ванной.

-Совсем обезумела! Я ее такой еще никогда не знала. Мать Марии внимательно посмотрела на меня, и после короткой паузы добавила : если моя девочка не стесняясь мужчины такое перед ним выделяет, то я представляю, как она вас любит...

-Вы знаете... э-э...

-Для вас я тетя Мила, подсказала улыбаясь мать Марии.

-Тетя Мила, продолжил я, я тоже ее люблю. Родней ее у меня остались только мать и дочь. Но любовь к родным существенно отличается от любви к любимой женщине...

-Да, да мой мальчик, Мария мне рассказывала о той беде, которая постигла твою жену, это так страшно, умереть молодой.

-Пошли Виктор на кухню, у меня есть чем тебя угостить, там мы продолжим разговор.

.....

Мы вновь сидим с Марией в том самом пивном баре, где познакомились поздней осенью 92-го года, и пьем чешское пиво. Это была идея Марии. Навестить место, где судьба так неожиданно свела нас вместе. Действительно, после обжигающего рома, душа требовала мягкого бархатного пива, огуречного рассола, или на худой конец простой минеральной воды. Кстати, мы с Семеном так и не смогли одолеть сразу две бутылки крепкого напитка. И потому весь оставшийся алкоголь одессит Веселый забрал с собой в дорогу поклявшись обязательно с ним покончить.

-О чем ты думаешь? Ладонь Марии легла на мою руку. И не дав мне ответить смеясь задала новый вопрос.

-Помнишь с каким нахальством ты подошел ко мне, когда я пыталась обыграть игровой автомат? Признаться, заслышав тогда чужую речь, я вначале обомлела, а потом и разозлилась. Тут игра не идет, а кто-то еще свои пять динаров вставляет! Но увидев тебя, твои глаза и потом эти белые, такие необычные для мужчин волосы... Поверь изверг, ты сразу же овладел моим сердцем!

- Мне приятно от тебя это слышать. Только Мари, я тебя учил говорить не пять динаров, а пять копеек...

-Это не имеет никакого значения! Мария шаловливо помахала пальчиком перед моими глазами. Для меня динары гораздо ближе и понятнее твоих ко-о-пеек!

Я поцеловал Марию и бросил случайный взгляд в сторону телевизора. Я и сам не понял, что привлекло мое внимание в рядовом телерепортаже, но голос у журналиста был явно взволнованный.

-Дорогая, переведи о чем идет речь в этой телепередаче? Мне кажется, рассказывают что-то о войне. Мария прислушалась, и тут же подтвердила мое предположение.

-Витя, прошу тебя, давай не будем сегодня о войне. Сейчас я попрошу бармена переключить телевизор на другой канал.

-Подожди Мари. Я придержал ее за руку.

-Вон, смотри, Петра показывают! Наверное, все это снимали в госпитале. Давай Мари подойдем поближе, я хочу слышать о чем он говорит.

Девушка капризно надула губы, но спорить со мной не стала. Улыбающийся бармен увидев, что его клиенты заинтересовались телепередачей услужливо включил телевизор громче. Чем привлек внимание почти всех посетителей бара. Трое парней, шумно гуляющие за дальним столиком, также невольно затихли. Их

уверенные позы и громкий до неприличия смех, говорил о многом . Во всяком случае они наверняка являлись постоянными клиентами этого милого питейного заведения.

-Я передаю привет своим ребятам! Если, конечно, они меня слышат. Вдруг явственно услышал я голос Петра. Телекамера крупным планом показала его взволнованное лицо.

-Рана не столь серьезная, как я вначале думал. Так что скоро буду снова в строю. Улыбающийся Петр помахал рукой. Сербский журналист вновь возобновил свой репортаж. Забывшись, я поднял руку в приветствии, словно Петр мог видеть мое послание. Многие обратили внимание на мой жест, а улыбающийся бармен казалось стал улыбаться еще больше. Мне даже показалось, что он понял кто я такой, так как начал смотреть в мою сторону с нескрываемым уважением. К стойке бара вразвалочку подошли те самые парни, которые еще недавно довольно громко смеялись за своим столиком. Послушав немного взволнованно-сбивчивый репортаж сербского журналиста , один из них, с рыжей бородкой, жутко гримасничая, что-то сказал, после чего остальные громко расхохотались. В тот же момент Мария неожиданно для меня что-то прокричала в лицо рыжебородому. В ответ раздался еще более оглушительный смех. Внезапно рыжебородый перестал смеяться и показав на меня пальцем, что-то сказал Марии. Все притихли, наступило неловкое молчание.

-Что этот рыжий обо мне говорит? Я повернул к себе покрасневшую от гнева Марию готовую вновь вступить в словесный поединок с незнакомцем.

-Пошли отсюда Виктор. Эти негодяи не стоят того, чтобы мы сегодня портили нервы.

-Мари, но я хочу знать, что они говорят!

-Пошли Витя! Расплатись и пошли отсюда! Там на улице я тебе все расскажу! Здесь не хочу!

Мария направилась было к выходу, но я успел схватить ее за руку.

-Мари, ты должна мне все рассказать, иначе я сейчас буду выяснять с ними отношения.

-Ну хорошо. Мария устало посмотрела на меня. Но если я тебе все расскажу, обещаю, что после этого мы тотчас же отсюда уйдем.

-Возможно... Неопределенно промямлил я.

-Он сказал, что вас русских сюда никто не звал и что было бы гораздо лучше, если бы на стороне сербов воевали богатые американцы, нежели нищие из России. В это время все тот же рыжебородый не спеша подошел к телевизору и демонстративно, словно на сцене театра, плавным взмахом руки переключил идущую программу на другой телеканал. Два его дружка громко зааплодировали и уже не скрывая откровенно наглых усмешек, свысока смотрели в мою сторону.

Лобовой удар головой сразу же свалил с ног ближайшего от меня серба. Еще мгновение и ребро ладони легко вошло в горло высокого брюнета из той же компании молодых людей, еще недавно откровенно надо мной издевающихся. Нож, блеснувший в руках рыжебородого неожиданно для нападавшего глухо воткнулся в деревянный бочонок, который я успел выхватить из под ближайшего дубового стола. Небольшие деревянные бочки служили в этом баре вместо стульев, и поэтому подставленное под острое лезвие крепкое дерево уже через мгновение легко сломало, казалось прочную сталь холодного оружия. А уже в следующую секунду на голову рыжебородого обрушился мощный удар той самой деревянной

бочки, после которого нападавший протяжно охнув медленно начал оседать на пол, прямо под стойкой бара.

Все присутствующие в оцепенении смотрели на то, что произошло у них на глазах, не зная, что предпринять и как вести себя дальше.

-Вы не американцев зовите на помощь, а помогайте своим соотечественникам в Боснии! И запомните, для Америки и Западной Европы вы всегда будете чужими!

-Переведи, попросил я Марию. Мария выполнила эту просьбу и решительно потянула меня к выходу. Но я остался на месте, меня словно прорвало.

-Когда очухаются эти славянские иуды, передайте им, чтобы они не сильно усердствовали вылизывая задницы богатым американцам. Подхалимов, не любят ни бедные, ни богатые! Я положил перед барменом деньги за пиво и попросил Марию в последний раз перевести уже сказанное. Мария исполнила мое пожелание и с еще большей силой потянула меня к выходу.

-Пошли Виктор! Пошли отсюда! Ты с ума сошел, натворив и наговорив сегодня такое!

....

Итак, прощай Сербия. Я еду в поезде «Белград-Москва» и почему-то улыбаюсь. Наверное, потому что летом ко мне обещала приехать Мария. Порою даже удивляешься, вроде бы и времени прошло немного, после нашего первого знакомства, а уже ловишь себя на мысли, что без этой девушки уж и не представляешь себе дальнейшей жизни. А пока, прощай Югославия. Много, я узнал и испытал на твоей многострадальной земле. Без всякого сомнения, ты заслужила у Господа лучшей доли нежели ту которую имеешь сейчас, в девяностых годах конца двадцатого века...

Ночь. В купе темно и тоскливо. Смотрю, задрав голову в слепое окно дрожащего вагона, лежа на нижней полке. Звезды в черном небе кажутся перевернутыми. Я вытягиваю вперед растопыренную ладонь, и происходит чудо. В ночной оправе, яркие звездочки подобно дорогим бриллиантам окольцовывают мои пальцы. В такие мгновения хочется стихов. На ум приходят слова кем-то уже давно сказанные. И в этой черной тишине они мне кажутся пророческими :

-Господи, если ты вдруг лишишь меня матери, жены, детей, друзей... прошу Тебя Создатель не лишай меня последнего – Надежды.

Со вздохом я убираю руку от холодного вагонного стекла. Хочется спать. Я закрываю глаза. Завтра вновь настанет день. И пусть их у меня еще будет достаточно много.

Ибо каждое утро я как заклинание повторяю : Слава Богу, я вновь проснулся. А все остальное уже не столь существенно....

Послесловие

24 марта 1999 года в войну против Югославии, на стороне косовских албанцев вступил Североатлантический альянс НАТО совместно с единственной оставшейся в мире после развала СССР супердержавой США. Из оборонительного союза, чем всегда так гордился этот западный блок, НАТО и США превратились в обыкновенных агрессоров. Оттолкнув в сторону ООН, пренебрегая его уставом, НАТО огласил закон джунглей : кто сильнее, тот и прав. На глазах всего мира 19 стран НАТО и США напали на одну никому не угрожающую Югославию, которая подобно нерадивой хозяйке вдруг запуталась в своих отношениях с родственными ей республиками. Пытаясь отстоять свои законные земли в Косово от сепаратистов албанцев, пытающихся на древней земле славян создать свое государство. Собственно говоря, началось уничтожение последнего на тот момент государства не попавшего под влияние Америки. 79 дней натовская авиация наносила удары по Югославии.

Что можно сказать о этой неравной войне? То что в небе над Югославией были сбиты десятки американских, английских, немецких самолетов? И среди них хваленно-непревзойденный никем американский самолет-невидимка «Стелс»? Или то что могучая натовская военная машина все эти дни бомбила ни в чем не повинные мирные югославские города и села при этом так и не решившись перейти границу небольшой страны своей сухопутной армией? Хотя нет, злополучную границу солдаты стран Запада все таки перешли, правда после договоренностей между президентом Югославии Милошевичем, представителем президента России – Черномырдиным, посланником американского президента – Тэлботом и финским президентом-посредником Ахтисаари. Югославская армия временно ушла из Косово предоставив натовским и российским миротворцам наладить жизнь между жителями этого края – сербами и албанцами. Только вот удастся ли им это? Вражда и ненависть между этими народами, кажется будет царить веками. И дай Бог, чтобы это было не так.

После знаменитого «блицкрига» 200-от российских десантников из Боснии в столицу Косово – Приштину, где россияне взяли под свой контроль аэродром Слатина, натовцы задались единственным вопросом, кто виноват? Французы были уверены, что во всем виноваты британцы. Англичане слишком долго двигались к столице Косово на своих тяжелых гусеничных танках и бронетранспортерах. Французы утверждали, что они были оснащены значительно более быстрой колесной бронетехникой. Встав в авангарде сил НАТО вместо англичан, французы вдвое быстрее прошли бы путь от македонской границы до Приштины и опередили бы русских. Англичане наоборот обвиняют в своей запоздалости – американцев. Клинтон якобы хотел, чтобы первыми на землю Косово вступили именно американские солдаты. Эта задержка и позволила русским прорваться к аэродрому Приштина, утверждал английский генерал Майкл Джексон.

Европейская печать вообще повеселилась над солдатами НАТО. Еще бы, вроде бы победители вынесшие главную нагрузку сомнительной войны с ненавистным режимом Милошевича и тут тебе такой сюрприз! Русские украли победу у 19 стран НАТО! Сделав 500-от километровый бросок по битым дорогам, страна-аутсайдер показала опешившим натовцам третий палец. НАТО не знало, как реагировать на такую дерзость. Один из западных журналистов даже якобы подслушал разговор между британским и американским генералами.

-Послушай Майкл, может быть, ударим по аэропорту в Приштине и раздавим этих двести русских выскочек?

-Такое, конечно, можно сделать, согласился англичанин, но ты Джон не учиываешь последствия такого поступка. Не забывай, что это пахнет третьей мировой войной. А нам европейцам в отличии от вас американцев придется принять на себя первый удар Москвы.

По данным нашей разведки уже после первого часа войны такие страны, как Британия и Франция просто перестанут существовать.

Да, несомненно, своим «коварством» Россия, которую всячески старались не замечать на любых переговорах по Югославии, отведя ей роль страны-посредника без стратегических интересов, спасла свое лицо перед своим народом и ее союзниками. А союзников осталось ой как мало. Махнем рукой на Польшу и Венгрию извечных недругов России, исключая краткий период коммунистического господства 1945-1991 годов. Но вот холуйская позиция братушек – болгар и пока нейтральной Румынии, не давшие воздушный коридор российским самолетам настораживает. В результате этой акции Россия не сразу смогла перебросить своих солдат в истерзанное Косово. К сожалению, 1878 год, почти стерся из памяти Болгарии...

Но почему Россия все же решила войти в Косово без ведома Запада? Ведь этот легендарный марш-бросок едва не столкнул лбами Москву и НАТО? Риск войны был преогромнейший, но когда стало очевидно, что в Косово должно будет войти НАТО, югославы сообщили российским военным о подземном Приштинском аэропорте. Югославы также поделились с Москвой своими разведанными, согласно которым НАТО строило в отношении этого аэродрома свои конкретные планы. Натовцы не исключали, что со временем косовский аэропорт сможет заменить им базу в Авиано (Италия).

Получив такую информацию, российские генералы решили брать приштинский аэропорт немедленно. Несомненно, с молчаливого согласия президента ведь до последнего времени считалось, что в бывшей Югославии всего один подземный аэродром – недалеко от боснийского города Бихач. Этот аэропорт оценивался в несколько миллиардов долларов. Две взлетные полосы были вырублены в небольшой горе. Находившиеся там самолеты были не только не видимы, но и неуязвимы для любых ударов, в том числе и ядерных. После гражданской войны Бихач оказался на территории мусульманско-хорватской федерации. Там расположились натовские войска. Как это ни странно, но у России, пожалуй, оставался один шанс из ста, если не из тысячи завладеть чудо-аэропортом и она его к удивлению не упустила. Можно сказать даже больше. Если бы россияне не вошли в Косово первые, их бы никто туда не пустил вообще, и тогда победа НАТО над Югославией была бы абсолютной. Сейчас же после русского «вторжения» в Косово сия «виктория» значительно поблекла. И это, пожалуй, первая запоминающаяся победа Москвы после мая 1945 года.